

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Сто причин поверить / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210435-0

Инга, жена актера Мишина, после очередного скандала с супругом насмерть разбилась. Все говорит о том, что это самоубийство, и начальство требует от капитана Анастасии Уваровой закрыть дело, но Настю многое настораживает. Во-первых, куда-то пропал телефон Инги. Во-вторых, свидетелем, который видел, как она шагнула с балкона, оказался сожитель ее лучшей подруги, подозрительный красавчик Гриша. Нарушая прямой приказ руководства, Настя начинает расследование, и вскоре выясняется, что интуиция ее не подвела...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210435-0

ШАВА 1

После ужина, который прошел в привычном молчании, Гриша сразу пошел на балкон. Выражение лица обычное, отсутствующее. Не лицо — маска. Симпатичная, к слову, маска. Высокая линия скул, четко очерченный рот, нос правильной формы, голубые глаза, густые русые волосы, зачесанные назад.

Вот никогда она не умела описывать его внешность. Сколько раз подруги просили — ничего не выходило.

— Обычный какой-то он у тебя получается, — удивлялась Томочка Гарцева. — Таких миллионы.

— Ну да, обычный славянин, если верить твоим словам, — пожимала плечами вторая ее подруга Настя Уварова.

Ту вообще сложно было удивить. Тем более внешностью. Настя служила в полиции и всем на свете человеческим достоинствам предпочитала порядочность. И не важно было, мужчина это или женщина, блондин или брюнет, страшно красивый или жутко уродливый.

Галина РОМАНОВА

— Главное, чтобы человек был хороший, — не уставала она повторять.

Саша с ней не соглашалась, но не спорила. Это было бесполезно. Настя всегда приводила массу аргументов, доказывающих, что внешность в человеке, а тем более в мужчине, не главное.

Саша считала иначе.

«Если уж суждено терпеть рядом с собой человека, — размышляла она, — то хотя бы ради красоты. Пусть он будет надменным, молчаливым, несговорчивым, капризным, но красивым».

А вот описать достойно красоту своего Гриши у нее так и не получалось...

Она поднялась из-за стола с грязной посудой и остатками ужина, подошла к раздвижной балконной двери.

Балкон был небольшим: в длину два метра, в ширину метр. Без крыши — это же балкон. И в дождь Гриша усаживался там под зонтом. Чугунные витые перила, сквозь которые было бы видно его коленки с улицы, Саша с ранней весны завешивала кашпо с вьющимися растениями. Они буйно цвели, затягивая балконную решетку. И Грише это нравилось. Он иногда даже пытался расспрашивать ее о происхождении той или иной лианы, но интерес его угасал где-то в самом начале ее рассказа. То ли он терял нить повествования, то ли она была никудышной рассказчицей. Но вопросы о цветах у него периодически возникали.

Не помнил. Ничего не помнил из того, что она ему говорила...

• *Сто причин поверить* •

Штора была отодвинута, дверь открыта, и она прекрасно видела Гришу. Он сидел в излюбленной позе в широком плетеном кресле с высокой спинкой. Под задом и спиной у Гриши располагались пухлые подушки, сшитые на заказ специально под размер кресла. Ноги он обычно вытягивал и укладывал пятками на низкую мягкую скамеечку. Он не торчал в соцсетях в такие минуты. Не читал ничего. Он держал в руках газету, которой просто обмахивался то от жары, то от мух или комаров. Глаза его всегда бывали полуприкрыты.

— Как ты можешь так что-то видеть? — как-то поинтересовалась Саша, когда он ей рассказал о каком-то забавном случае на улице.

— Наблюдать жизнь необязательно во все глаза, можно и прищурившись, — ответил он, томно улыбнувшись.

Вообще-то, Саша иногда, втайне ото всех, считала Гришу немного жеманным. Он очень много времени уделял своей внешности. Часто крутился перед зеркалом, тщательно выбирал наряды в магазине. Он проводил в примерочных куда больше времени, нежели Саша. Но она и жеманство ему с легкостью прощала, потому что Гриша был летчиком. А это так...

— Более мужественной профессии я не представляю! — выдала она подругам на последней их встрече в парке. — Я просто летать боюсь как пассажир. А тут управлять самолетом! Это какие силы надо иметь и храбрость!

— Согласна, — тут же кивнула Томочка, выгуливая свои новые туфли с таким достоинством,

что старый асфальт их любимого парка наверняка мучился стыдом. — Надо иметь силу, опыт, ум. Храбрость, в конце концов.

— Летчики сейчас самолетами не управляют, — неприятным голосом вставила Настя. — Теперь это делает за них электроника. На ручное управление им просто не позволяют переходить. Только в самых экстренных случаях.

— Но он ведь может случиться — этот самый экстренный случай, — покраснев, потому что обиделась за Гришу, возразила Саша. — И что тогда?

— Что? — Настя смотрела на нее холодными синими глазами.

— Авиакатастрофа! — выдохнула Саша. И добавила: — Тьфу-тьфу-тьфу!

— Они и случаются, если летчик так себе, — подергала Настя худыми плечами. — Редко какой... А, ладно, забей. Идем лучше кофе пить.

Кофе Настя употребляла вместо чая, воды, молока, да и вместо еды, кажется, тоже. Саша кофе пила, но без такого удовольствия, как подруга. Могла спокойно прожить день-два и на чае с молоком. Тома пила кофе раз в неделю. Предпочитала зеленый чай.

Они в тот день зашли в кофейню, просидели там полтора часа. Болтали обо всем и ни о чем. Разговор к ее Грише больше не возвращался, и Саша чувствовала странную досаду. Казалось, что девочкам ее отношения совершенно не интересны. Они считают ее Гришу кем-то неавторитетным. Они либо подвергают ее восторги

• *Сто причин поверить* •

в его адрес сомнениям, либо пропускают их мимо ушей.

Вернувшись домой, Саша поняла, что обиделась. И, дожидаясь Гришу из очередного рейса, решила, что встречи с подругами надо дозировать. Разумно дозировать...

Сейчас, с замиранием сердца наблюдая за своим любимым, Саша поняла, что приняла тогда правильное решение. Без них она может, без него нет.

— Ты все там? — не поворачивая головы, спросил Гриша.

— Ты о чем?

Саша подошла со спины и, упираясь подбородком в высокую спинку плетеного кресла, положила ладони на плечи любимого.

— Убрала посуду, вымыла?

— Нет еще.

— Поторопись. Скоро я захочу свой чай.

Чай Гриша пил на балконе почти каждый вечер. Даже в мороз и снегопад. Правильнее: особенно в мороз и снегопад. Он находил в этом особую прелесть — мерзнуть от погоды и согреться чаем. Так он говорил.

Саша его чудачеств не понимала. Предпочитала пить чай в теплой кухне на удобном мягком стуле, перед телевизором.

— Будет тебе твой чай, — пообещала она и ушла.

Он даже не заметил ее ладоней, которые она сначала положила на его плечи, а потом убрала. Такое бывало нередко. Он, случилось, ее

не замечал. Поначалу она обижалась. Потом привыкла. У человека такой напряженный график. Он так много и опасно работает. И тут она со своими капризами. Может, ей только кажется, что он не замечает. Вполне возможно, что Гриша просто не любитель пылить эмоциями.

Главное, они вместе. Главное, она не одна.

Одиночество Саша ненавидела. И, расставшись со своим бывшим парнем, с которым прожила вместе пять лет, дала себе клятву, что одна не будет ни за что.

— То есть горький опыт тебя не учит? — удивилась тогда Настя.

— Нет. Не учит.

— И ты готова к новым отношениям прямо так вот, сломя голову?

— Да. Готова. — Саша тогда еле сдерживала слезы. И без конца задирала подбородок повыше, чтобы не завывать. — Я не стану, как ты, шарахаться от каждого мужика только потому, что он может оказаться очередным мерзавцем. И не буду, как Томочка, ждать партию повыгоднее. Я просто хочу жить. С кем-то.

— Хоть с кем-то, — поправила ее Настя, скорбно сжимая губы. — А как же «лучше быть одной, чем вместе с кем попало»?

Они поспорили, Тамара их уговаривала, разошлись сердитыми. Разговору тому было два года. И почти два года она с Гришей. И ни разу не пожалела, что не послушала Настю. Та настаивала, что нужно присмотреться, понаблюдать, познаться с его родителями. И прочую дребедень

• *Сто причин поверить* •

советовала, которая ну ни черта не страховала от ошибок. Потому что со своим бывшим Саша прожила пять лет! А до этого три года присматривалась, наблюдала, знакомилась с его родней. Спасло ее это от разочарования? Нет!..

Она быстро убрала со стола остатки ужина, вымыла посуду, заварила Гришин любимый чай. И вышла к нему на балкон с его красивой дорожной чашкой — ее подарком к какому-то из праздников.

— Спасибо, — поблагодарил он и забрал из ее рук чашку, не меняя позы. — Ты пропустила удивительный концерт.

— Опять они? — кивнула Саша в сторону дома напротив.

— Они. — Гриша сделал осторожный глоток, зажмурился от удовольствия и пробормотал: — Спасибо.

Саша засияла. Он ее не всегда благодарил. А тут за минуту дважды. Удивительные дела. Ее Гриша меняется в лучшую сторону? И перестает воспринимать ее заботу как должное? Явный прогресс. Могла бы — похвалилась бы девочкам.

Но она не могла. Настя сразу начнет изумляться, таращить на нее глаза и говорить, что она дура, раз допускает подобное. Томочка не была бы так категорична, но добавила бы что-нибудь про элементарную вежливость.

Нет, не станет она хвастаться. Она будет радоваться переменам одна.

— Так что там сегодня?

Саша встала с правой стороны от Гриши, готовая схватить его пустую чашку.

— Таня Витю матом кроет, блины с творогом жуя, — ответил Гриша.

— Почему блины? Почему обязательно с творогом?

— Потому что я видел, как она два часа назад покупала творог в нашем супермаркете. И муку для блинов, — отозвался Гриша меланхолично. — И сделал вывод, что на ужин у скандалистов непременно будут блины с творогом. К слову, я их тоже люблю.

Он повернул к ней лицо. Взгляд, хотя и полуприкрытый веками, сочился требовательностью.

— Приготовлю, раз ты любишь, — неуверенно отозвалась Саша.

Она понятия не имела, как готовить блины, да еще с творогом! И часто, когда Гриша бывал в рейсе, заказывала еду в ресторане, выдавая ее за свою стряпню. Ладно, блины так блины. Найдет приличную точку, где их отлично и недорого готовят.

— Так в чем предмет скандала Тани и Вити? — постаралась она увести его от темы блинов.

Не дай бог запросит именно сейчас. Что она станет делать? Звонить в ресторан при нем? Организовывать доставку?

— Все старо как мир, — меланхолично отозвался Гриша, запивая каждое слово чаем. — Он изменяет и врет. Она ревнует и орет.

— Ух ты! Ты это прямо понял из их скандала?

• *Сто причин поверить* •

— А чего там непонятного? Таня орала, что видела его с какой-то девкой с ребенком. Он орал в ответ, что никакой девки не было, а Таня — истеричка и сумасшедшая.

— Так громко орали, что ты расслышал? — усомнилась Саша.

Балкон Тани и Вити из дома напротив хоть и располагался недалеко, но все же не до такой степени, чтобы расслышать все до слова. А шум проспекта? Как сквозь монотонное рычание автомобильных двигателей услышать то, о чем говорит Гриша?

Он сочиняет? Или привирает для красного словца? Саша почувствовала себя неудобно. Уличать любимого в чем-то было против ее правил. Это скорее в духе Насти — сомневаться, подозревать. Сашины отношения всегда строились на доверии. И в первом случае, забыть бы его поскорее. И сейчас.

И через минуту она убедилась в том, что правильно думает, правильно живет и правильно принимает решения.

— Ты сука! — донеслось до нее отчетливо из распахнутой балконной двери Тани и Вити.

Вообще-то, они с Гришей не знали, как зовут эту скандальную семейную пару. Они сами дали им эти имена, став свидетелями самого первого их скандала год назад. Тогда они еще орали потише, и разобрать слов не было никакой возможности.

— Ты ненормальная ревнивая сука! — продолжил орать Витя в открытую балконную дверь. — У меня никого нет! И не было!

Галина РОМАНОВА

Саша это так отчетливо слышала, что снова устыдилась, что заподозрила Гришу в сочинительстве.

— Я видела тебя с ней, сволочь! Видела! У вас общий ребенок! Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

После каждого «ненавижу» слышался звон разбитой посуды. Скандал набирал обороты.

Постояв справа от Гриши еще минут пять и послушав чужой скандальный ор, Саша повернулась, чтобы уйти.

— Да-а, такими темпами они поубивают друг друга, — произнес Гриша все тем же ровным, ничего не выражающим голосом. — Может, заявить на них?

— На каком основании? — удивленно моргнула Саша. — У них есть соседи, родственники. Пусть они беспокоятся. Мы с тобой сторонние наблюдатели. Любопытные!

Впервые за вечер Гриша широко распахнул глаза, уставившись на нее. Молчал минуты две, рассматривая ее, как будто видел впервые. Потом согласно кивнул и произнес:

— Да. Видимо, ты права. Мы просто за ними подсматриваем. И это неприлично.

Саша могла бы возразить и сказать, что ей лично наблюдать за Таней и Витей было некогда. Она то со стола убирает, то посуду моет, то чай готовит. Случайно несколько раз становилась очевидцем, и только. Она точно не подсматривала!

Но вслух она сказала совсем не это.

— Да, ты прав, — было ее ответом.

• *Сто причин поверить* •

— Знаешь, Саша... — в который раз за вечер удивил ее Гриша, снова ее остановив. — Я очень счастлив, что ты у меня такая.

— Какая?

Ей стало интересно. За два года, что они были вместе, он ни разу не оценил ее.

— Молчаливая. Серьезная. Неистеричная, — перечислил он совсем не то, что она ждала. — Забери чашку, дорогая.

ШАВА 2

Будильник должен был прозвонить десять минут назад, но почему-то промолчал. Хорошо она вовремя глаза открыла и на время посмотрела.

— Твою мать! — выругалась негромко, скидывая с себя потную простыню. — Какого черта, Долдон?

Долдоном она называла будильник — старый, механический, с двумя блестящими крышками сверху, которые при сигнале дребезжали так, что мозги закипали.

Вообще-то, Долдоном изначально был ее дед — хозяин этого будильника. Беспутный, одинокий, периодически проваливающийся в запой. Настивно сиротство свалилось на него неподъемной ношей, и, едва забрав ее к себе из детского дома, где она прожила почти полгода, он так сильно запил, что девочка, проголодав неделю, готова была вернуться в детский дом. Вовремя одумалась. И повзрослела, сумев с семи с половиной лет начать готовить себе еду из продуктов, которыми дед перед запоями забивал холодильник.

• *Сто причин поверить* •

Все-таки он вырастил ее. И даже как-то контролировал, чтобы она с пути не сбилась и не связалась с дурной компанией. А Настя могла. Грязь к ней липла постоянно. Но Долдон лет за пять до окончания ею школы неожиданно заделался трезвенником и вывел ее в совершеннолетие с вполне себе приличной бритой мордой.

Настя поступила в школу полиции с первой попытки, хотя абитуриенты и шептали зловеще, что это «бесполезняк», если у нее нет поддержки. Поступила, отучилась, как положено. Получила назначение в хороший город. Долдон за нее порадовался, но решил, что это невозможно от него далеко. Снова запил и помер во сне.

Из всех вещей Настя забрала из квартиры только этот вот старый будильник. Все остальное она свезла на свалку. Квартиру продала. Деньги положила на депозит, с намерением подкопить как-то с чего-то и купить себе какое-то жилье в Москве.

Пока никак не выходило, и Настя жила в съемной двушке. Квартира была невозможно ушатана прежними жильцами, и хозяйка смущенно улыбалась, навязывая Насте ремонт в счет арендной платы.

— Нет, — отрезала Настя категорически. — Никаких ремонтов. Только скидка. И меня все устроит.

Та вздохнула с облегчением и сделала ей шикарную скидку. Решив за счет подобной экономии начать копить деньги, Настя перешагнула порог неухоженной квартиры, да так и осталась

тут. И уже восемь лет собирается съехать, а все никак...

Украденные Долдоном десять минут — это время на зарядку, которой Настя не пренебрегала никогда. Решив, что лучше не позавтракает, она вышла на огромную лоджию — единственное достоинство этой квартиры — и начала тренировку. Потом в душ, потом натянуть черные джинсы и рубашку серого цвета, кроссовки, с собой поясную сумку, и на выход.

Любимая машина, которую она купила в кредит три года назад и любила и стерегла пуще глаза, встретила ее пыльным капотом и стеклами. Ночью было ветрено, потом еще и дождичком побрызгало. Вот вам и результат.

— Привет, малышка, — привычно поздоровалась она с машиной, усаживаясь за руль. — В обед на мойку сгоняем. Не печалься. Сейчас ну никак. В отдел надо.

В отделении полиции было малоллюдно, это удивляло и радовало. Настя не терпела, когда на ходу надо было каждому второму козырять и вежливо улыбаться. Опять же, когда мало народу, очереди к кофейному аппарату нет. Она взяла себе сразу два стаканчика, помня, что в столе припрятана упаковка печенья. Хватит для первого завтрака.

В кабинете никого не было. А должен был быть ее начальник, майор Смотров Арсений Сергеевич — сорокалетний, удрученный семейными буднями многодетный отец. И Валера Грибов, попросту Гриб, тридцатидвухлетний старший